

Иван Попович и прекрасная девица

Жиў-быў священник (как у нас в Кóндопоги всё ровно). Была у него жона, и было́ у ней три дóчери, быў у них згляд я́сного со́кола, брóв у них была́ чорного со́боля, лицинько было белое и щоцьки у них алыи, оченно были деви́ци бра́выи. Быў у него еди́ный сын Иван Поповиць (изотчины у него не́ было). Жили оні пóбыли, маменька у них и пóмерла. Вылили ёны́ патрет чугунный, снесли к Божьей Матери, в церьквы поставили. Потом стаў у них тáтинька нездоров (тому помереть надо); стаў ён сыну своему наказывать о дитя́х сво́их: как болшой доцери при́дёт перьвый сват, за того и выдать доцьку, и другой доцери так же, как при́дёт перьвый сват, так и дать ю такождо, и так же и третьей доцери, как перьвый жених посватает, за того и выдать нужно. «И, сын мой любезный, Иван Поповиць, не одержа́ть слова моего: как придут женихи, так за перьвых женихов отдать их». Тут жили́-пóбыли, татинька и пóмер. Слили патрет на татиньку такой же чугунный и так же к Богородици в церков к собору поставили (к жены так и поставили патрет, патрет о патрет).

Тут ёны стали жить с братом, три сестры и брат. И брат всё медленно книгу читает. «Есь не в каком царьсвии (царьсва не знаю назвать), есь у царя доцька прекрасная дивица, хто на ю посмотрит, тот с ума рехнётця (хто на ю посмотрит)». Потом стало сестрёнкам скучно, что брат не говорит с нима, подходит болшаа сестра. «Милый братец, Иван Поповиць, пойдём на могилу, к Божьёму храму к родителям своим» (попахать вишь хóтят родителей своих). Ён огвёрнулся (оделся) скоро и пошоў. «Пойдемтя, сестрици родимыи, со мной». Ну и пошли ёны на могилу. Стали ёны над родителюма плакать и рыдать сильнё, ну потом вдруг наставаэ туча тёмнаа, грознаа, пошоў гром великий, молвия. Скрычал брат сестрыць: «Бежите, сестрици родимыи, домой, бежите скуреа домой». Оны домой на крылечько смахну́ли, вдруг молвия удáрила в крыльцо, паў лёв-зверь с нёба; девици ушли в ызбу, в покой свой; лёв-зверь бежит вслед ёю; приходит к Ивану Поповицю. «Иван Поповиць, давай сестру́ за меня замуж» (за зверя). Иван Поповиць расплачетця горько. «Ниужели моя сестра до того достойна, что за зверя зáмуж думать» (а у родителя так благословлёно, что за перьвого свата дать). Сёстра́ закричала, смолиласи брату своему. «Братец мой, красота у меня ведь непомернаа, белота в лица снiгу белого, красота в лицi сóньця красного, бров у меня чорного соболя, очьи у меня ясного

сокола, не дай, братец, за зверя меня» (просит брата вишь). Крикнуў зверь Ивану Поповицю: «Дашь сестру́ и не дашь, возьму. По родительскому бѣру́ я благословленью». Только промолвил зверь это слово, хватил ю за́ ворот, кинуў сибѣ на плѣци, да и попѣр, и унёс. Дви сестры́ и брат плачут бойко, и плакали ёны не мало времени, году два (тосковали по ней), и нету от ней слыху никакого; подошла сестра к брату. «Ой же, братец Иван Поповиць (а он всё книгу читаэ), покинь свою книгу с белых рук, пойдѣм с нама на могилушку сказать родителям про сестру́ свою́». Братець опять огвѣрнулся скоро и пошоў с нима. Приходят ёны на могилушку, расплакались, про свою сестричу поросказали всё (зверь унёс сестру́ нашу), однако матушка спромойвила слово им с сырой земли единоэ: «Бежите, милые дити, пручь отсюда; тую сестру́ лев унёс, а тебя медведь унесёт». Ёны скоро крикнули братця. «Побежим домой, братец, беда идѣт, туча темнаа вставаэт». Ёны́ домой побежали, гром загремел грозно, молвия заходила по зѣмли, потом прибежали ёны́ домой, не успели двирѣй запереть, вдруг паў зверь с нѣба во ступѣни к ним, и валитця зверь след той девици, в тот же покой Марьи Поповны. Проговориў зверь своим словом: «Марья Поповна, пожалуйте со мной в обручество». А брат сидит, книгу читаэт; пала Марья Поповна к брату на́ ворот, Ивану Поповицю. «Братець мой, не остав и не покинь меня, збереги меня от лютого зверя». Брат говорит: «Сѣстра́ моя милаа, у родителей ты благословленаа». Подходит зверь к Ивану Поповицю. «Не держи сестры́, а давай мни в обручество, дашь — возьму, и не дашь — возьму, след с собой унёсү». Хватиў сѣстру́ за́ ворот, кинул сибѣ на плѣци и понёс ю. Потом ёны расплакались, брат да сестра́, оставаютця двойма и что ёны живут, не могут места прибрать сибѣ (так жалко звери сестрёнок унесли). Тут ёны прожили года три поели сѣстры́, а Иван Поповиць всё книгу читаэт, всё до той царевны домогаэтця, что ему тая царевна предлагаэт замуж взять. Расплакалась сѣстра́ ёго, усѣрдно просит брата своёго: «Пойдем, братець, выльем два патрета сестѣр моих и поставим к Божьѣму храму, где отець и мать мои». Братець скоренько свернуўся и пошоў и вылиў ён два патрета. Снесли во Божий храм, поставили к отцю и к матери. Тут ёна́ у матушки да прослезиласи и ёна батюшку да проплакала. «Зачим же ты, батюшко, отдаў дитей своих зверям јисть? Не благослови меня, родитель, зверю јись лютому». Матушка в землі говорит ей: «Бежы́, дочь, домой, гляди́, чорный вѣрон налѣтит, хватит тебѣ за верьхѣвищо и унесёт». Скрычала сестра брату своему: «Ой, братець Иван Поповиць, збереги́ меня!» Побѣгáли ёны́ домѣй, прибежали домой, падала ёна́ на кроватку тисѣвую. Вдруг чорный ворон залетеў в покой, паў ён к Ивану на́ ворот, к Ивану Поповицю. «Иван Поповиць, я пришоў за сестрой твоей, жона моя, а сѣстра́

твоя». Тут потом хватиў ю чорный ворон и понёс.

Оставаецця Иван Попов один в избы теперь и свалиўся на кроватку тисовую, взяў ён в правую ручьку лист ёрбóвый, бумажку, стал ён думать-годать, нёкуды письма писать. Однако жо взяў книгу в руки, читаў ён ни много ни мало три года в ряд и дочитаў до того места, что ити ему надо не в какоэ царьские, взять эту дочьку замуж за себя. «Не дурак ли я буду, что я пойду. Несколько сватало ю кнезей и бояр и некого ей не дают, неужель она за меня пойдёт? Нет, однако, я пойду.» Взят подобуўся и приодеўся и приотправиўся в путь. И не так скоро путь корóтаецця, и приходит в такоэ место и стоит царьской двориць. Что за чудо за эдако, в эхтом мести и царьева не видано (не бывало, вишь, никогда, тут царьево сочинилось). Зглянул на двориць, вишь на боўконе сёстра́ его болшаа гуляэ. Выбегала сестра среди бела дворá, стречаэт брата своего: «Откули тебя Бог принёс? Как же ты сюды зашоў?» Сетра взяла́ ёго, приумыла ёго, принала́дила, сестра стала спрашивать у него, и ён сёстры́ говорит: «Пуспела бы ты спрашивать, пёрво накормила бы, да напоила бы, да спать ты меня уложила бы, потом бы ты спрашивала у меня». В сейчас сёстра сóбрала, накрыла ему на стоў: «Садись, братец, хлеба кушать». Потом он наеўся и на кроваточку на тисову повалиўся. Тут сестра спросила у нёго про сестрёнок: «Ты пошоў, ты куды их оставиў?» Брат отвечает: «Через два года медведь унёс сёстру мою, а другую сёстру чорный ворон утащиў, остался несчастный я один, пошоў я в царьево за прекрасной дивицей». Сестра говорит: «Не мог мой лёв-зверь утащить ей, так тиби не дóйде взять». Потом брат отдохнуў, стал снаряжаться от ней прочь пойти: сёстра́ плаце, просит ёго погостить у себя: «Дожди́ зятя своёго». — «Я говорит, боюсь, лёв-зверь придёт, съес меня». — «Не бойся, милый мой братец, прозвание ёго так, а он не лёв-зверь, а царь на царьских». — «Скоро ли он будя домой?» — брат спросит у сёстры. «Будет он через поўгода времени». Живёт брат, гостит у ней, и прошло времени поўгода. Ён лежит, книжку читаат на кроватки. Бякнуло о ступёни, испугался Иван Поповиць. «Ах, сестриця, беда пришла». Говорит сестра: «Не бойся, царь наехал домой.» Как приходит лёв-зверь в фатеру, спросиў у жоны: «Хто у тебя такой?» — «Милый братец мой Иван Поповиць». — «Кормила ль ты ёго, поила ль ты разныма напиткама ёго?» Стал снаряжатця Иван Поповиць, надо уйти от них, с того прочь места. Лёв-зверь берегёт его, унимаэт, просит ёго ещо погостить, Ивана Поповиця: «Гости, милый друг, у меня». — «Нет, милый зять мой, не слободно мни гостить, наб ити не в како царьсво прибрать сиби прекрасную дивицю царевну, хто на ю посмотрит, тот с ума́ рехнетця». Говорит ёму лёв-зверь: «Ах ты, милый брат мой, не мог я девицю унести, так

тиби в глаза не увидать». Говорит Иван Поповиць: «Щасьё моё и бещасьё моё, всё-таки я пойду». Одеётся ён и отправляется в путь. Говорит лев-зверь жены своей: «Ай же ты, Олександра Поповна, подай брату своему кукшиньчик, пусть дорогой он тут ест и пьёт; ты спроси, Иван Поповиць, как жисть захочешь, переверни кукшиньчик на другую сторону, выскоцит тиби тридеветь молодцов, подают тиби питья, еды, кушанья». Взяв лев-зверь, выдернув с под правой руки шерсти у себя (с под правой пазухи) и подав Ивану Поповицю: «Береги шерсть эту, когда будешь при беды, так тогда возьми эту шерсть в руки и вспомни меня, я буду у тебя». И отправился Иван путём-дорогой. Стало Иванушки идти голодно и холодно, и ножки болят. Ну потом Иван взяв этот кукшиньчик, перевернул с стороны на сторону, выскоцило тридеветь молодцов, поставили шатры шелковые, полы слали (полы) серебрянны, красота в покоях неумерная, теплота невидимаа. Поставили столики дубовыи, налагали жиствушко сахарнее, наливали питьице ему медвяное, садили Иванушка за дубовый стоу. Иванушко, пожалуй, и тут жиу бы, да надо пойти Иванушку, до царевны доходить: кинув шкатулку (кукшиньчик) на другую сторону, не стало у Иванушка шатра хорошего и не стало ни жиствушка, ни столиков дубовых, ничего у него не стало. Подогнали ему тройку лошадей, сядуся Иван Поповиць и уехау. Приезжает к такому месту, стоит сад большой, стоит дворець царьской. Поглядит, на боухоне середня сестра его гуляет. «Что за чудо, скае, эдако, я всех сестёр нашоу». Однако сестра вышла, стретила брата своего и усердно она расплакалась: «Ах же, милый братец, гди же нещасная наша сестра одна?» — «Чорный ворон взяв на торзанье» (подавить бытто взяв). Взяла сестра к покою его, накормила его, напоила его и стала спрашивать про сродьево своё. И ён рассказал про сестрицю свою: которая сестра за лев-зверем, оченно ей жить хорошо. Стау Иванушка справлятця уйти. Просит сестра: «Живи, братец, погости, жди зятя своего, получишь щестье от него». Однако стау Иванушка гостить тут, гостил не мало, поутора года. Хлопнул лютый зверь на ступенях, спугауся Иванушка в покоях». — «А, сестриця, уйти надо». — «Что ты, братец, муж мой пришоу домой». — «Хто ж у тебя это?» — спросит муж жону. «Ах, милый мой, пришоу брат мой». Зглянув ён на него глазом милым, дау ён ему руку правую. «Милый брат, гости у меня, я тебя кормлю и пою и совсим держу у себя». (Зять унимаат, вишь, совсим живи тут). Иван Поповиць розвернув книжку и говорит: «Нельзя жить, надо пойти царевну найти». Говорит зять его царь жены своей: «Жена моя премилаа, дай ему шкатулку след, ты иди, Иванушка, переверни из колена на колена, тиби буде хлеб и кушанье тут». Тут взяв медведь, выдернул шерсти с под правой щоки, подав

Иванушку в руки: «Прими́, Иван Поповиць, клади в корман и береги; ты, как будешь при беды, возьми шерсь в руки мою и вспомни меня, я буду у тебя». Тут Иванушка отправиўся путём дорогой, стало Иванушку голодно и хóлодно и ножки болят; взяў шкатульку перевернуў из колена на колено, выскоцило деветь молодцов. «Что, Иванушка, хочешь, тёплá или добра?» — «Хочу добра и тёплá, и еды, и кушанья». Всё ёму представили, сделали шатры шолковыи, полы слали хрустальныи, столики ставили дубовыи, опять ён на кúшаньё попал. Наливали ему еды и питья, и кушанья. «Садись, Иван, хлеба кушать». Тут Иванушка наеўся-напиўся, перевернул шкатульку из колена на колено. Стаў дикой лес (збулся в лесу вишь быть). Смолитця Иванушка ко Господу: «Господи Боже мой, выведи меня на путь». Пошоў Иванушка путём-дорожкой, показаў Господь дорожку ему, приходит сёло, приходит в это сёло, стоит домик не малый и не великий. «Пойду в этот дом, всё летают чорныи вороны». Зглянет, сидит сёстра ёго у окошка. «Ати мни братець мой, а как ты зашоў ко мни?» — «Шоў, сестриця, я не путём и не дорогой, шоў я тёмным лесом». Росплачетця Иванушко судьбы своей и розсказываэт сестры своей: «Милаа ты моа сестриця родимаа, а есь ли у тя хлеба и соли и кушанья, можешь ли накормить нещасного брата своёво. Ежель ты меня не можешь накормить-напоить, нет, так я тебя накормлю-напою». Потом сестриця говорила ему: «Ай же, братець, есь у меня чого есть и пить». Угостила сестриця брата своего, налетеў чорный ворон. «Милаа моа, хто у тебя?» — «Братець мой, Иван Поповиць». Подал ён свою лапочку ему: «Здравсуй, милый брат мой Иван Поповиць». — «Прощай, чорный ворон, я сейчас пойду от тебя проць», — Иван Поповиць говорит ему. Скрычаў ворон жены своей: «Дай брату саўфетку ёму. Вырваў с под правого крыла пёрó ему, подаў Ивану в правую руку, и пошоў Иванушка, попростиўся. Несколько Иванушка путём идёт, приходит к быстрой рецьки, у речьки стоит амбарушка, у амбарушки поставлен крестик. В амбарушки поёт Соловей-розбойник. Скрычал ён громко, розбойник: «Ай же ты, Иван Поповиць, спуски с амбарушки соловья проць; ты меня спустишь, соловья, пручь, ты много получишь сиби добра, а не спустишь, так и не получишь добра». А спросит Иван Поповиць: «Хто ты такой?» — «Я вот какой: Соловей-розбойник, у прекрасной дивици служитель». А спрóрецит Иван Поповиць: «Не могу спустить я тебя на волю теперь, я иду прикрасную дивицю сиби в обручесьво брать». Говориў ему Соловей-розбойник: «Хоть получишь, да не сберегёшь. Спусти меня на волю, так твоя буде совсим». Задрожался Иван Поповиць: «Некак не могу спустить (боится, как бы не было чого, не смеэ). Я не здешного места, так не смею». Однако ён пошоў от Соловья.

Приходит ён к царьскому дворьцю, ударил в звонок. «Милаа царевна, стречай меня, Ивана Попового сына». Прекраснаа царевна крыкнула своим служителям: «Возьте этого дурака, положите его в темницу». — «Экий я какой нещасный, Вáнюшка, как мне сказали зятевья, что прикрасна дивиця буде не твоя». Ну однако стаў Иванушко сидеть в темници. Суточки сидит, ничего не говорит. «Что я сiju, никого не вижу, тёмно; дай-ко я возьму кукшиньчик свой». Перевернул с рúки на руку, выскоцило тридеветь молодцов. «Что тиби, Иванушко, на́добно?» — «Надо покой чистый и светлый, свичи были бы неугасимы, јиствушко былó бы сахарнее, питьице медвянное». Оказалось три человека с ним сидячйсь, засажены под неволю. Садйў ён всих за столики за дубовыи, за јиствушко садйў за сахарнее. Иван Поповиць тут ест и пьёт, кушаэт с нима; тут ёны розыгралися, тут ёны расплясалися (как напйлиси), услышали сторожá, что за шум в темници: видно, драка там. Говорит прикрасна дивиця: «Только четыре целовека, неужель бой подняли большой?» Приходит сторож, отворяэт двирь, оченьо жаўко оттудова выйти, такóэ там хорошó. Приходит сторож к царевны: «Ай же, прикрасна дивиця царевна, есть у нас засажен Иван Поповиць, у него есть там светлота и чистота, и свичи неугасимы, у него много пива на столи и вина, и јиствушко сахарнее; вси ёны там најидалися и напивалися, тут ёны вси расплясалися». И говорит прикрасна дивиця служителю своэму: «Поди купи у Ивана эту штуку у него, пусть продас мни» (кукшиньчик этот). Приходит сторож к нему и говорит: «Продай мни кукшиньчик, прикрасной дивици. Много ли тиби денёг требуетця за то?» — «Я, — говорит, — ни жид, ни тотарин, и до денёг я не жа́ден». — «А что же тиби надоть?» — «А мни нужно то, а увидать прикрасну дивицю в очи своэ, ю посадить на стул голуу и меня голого, я и отдам кукшиньчик свой». Сичас дóнес просьбу прикрасной дивици эту. Вывели Иванушка на́ час целый к прекрасной дивици в комату ёйну. «И не что такое, — спроговорит прекраснаа дивиця, — дóгола скидава́йся». И сама роздела рубашку прочь и посидели час целый. Отдаў ён кукшиньчик из руки на́ руки и попростиўся. Свели ёго опять взад в темницу. Скучно Иванушку в темници быть, перекинуў шкатулку с колена на колена. Стали тэрема высокии, стали горници светлыи, хлеба сколько угодно ешь, водки у нёго сколько можешь пей. Смолитця Иванушко старицькам в темници: «Старицьки почтеныи, вставайте, водку воспивайте». Вси ёны напилыся да расплесалися. Опётъ стóрожа вси сдивовалися (сторожá сдивовалися). «Что за чудеса строит Иванушко у себя, прекраснаа цяриця? Что за чудеса строит Иванушко: е чистотá, е красотá, е тэрема уставлены, хороши». — «Поди, сторож, купи у него шкатулку, ежели продас, давай злата ёму, давай сэребра ёму; ежели

ён денег не берёт, что велить, то сделаам». Приходит сторож: «Иванушко продай штучку-шкатульку. Бери злата сколько те надобно». — «Я не жид и не тотарин, и до дёнег не жаден, а жалаю прикрасну дивицю привести в тимницу, посадить возли меня рядом на стуу, выцеловать несколько раз». Пошоу сторож: «Этакой подлець, какии ричи говорит: целовать прикрасную дивицю». Однако же донёс прикрасной дивици слова ёго. «Иди же, прекраснаа дивиця, в темницу к нему». — «А не что ён мни ка сделаэт (она говорит), хоть в тимницу ити — я посижу и с ним на стуле, а выманю шкатульку и поцелую несколько раз». И приходила ёна в тимницу со сторожом, а в тимници весьма хорошо и красиво, так ей прилюбилось в тимници сидеть хорошо, целовала ёна несколько раз его. Ён перевернуу шкатульку из колена на колено, стало темно и грубо, скопила со стула прикраснаа дивиця,хватила сторожа рукам. «Неси шкатульку скуррей в покой мой, а заперай дурака в тимницу». А потом Иванушко благословясь в тимници не живёт, роскинуу сауфетку по тимници, стала палата гряновита, сколько е столов, столько е молодцов, всё пишут и марают, а прикрасну дивицю за Ивана доставают. Увидеу сторож с окна, что у него чудеса эдаки идут, доносит ён прекрасной дивици: «Ай же ты прикрасная дивиця, это были чудеса не чудеса, а топерь нобы чудеса: сколько столов, столько сидит молодцов и всё пишут и годают, как тебя за Ванюшка достать». — «Однако пойдй, сторож, что ему надобно, то и дайм ему и оберём у него достатки, болше ему нецим буде шутки шутить». Иван ему говорит: «Поди сходи к прикрасной дивици, пуцай ложитця на тисовую кровать спать, меня пускай повисят на арганы (на ремни) на верех супротиво ей самой прикрасной дивици и на три часа выпустить этих стариков со мной прочь из темници, так я и соуфетку подам». Прикрасна дивиця говорит: «Ни что такого не буде, а пуцай ён на ремнях висит; висьте его на ремни покрепче». Иван Поповиць говорит своим темникам (который вмисти сидели в темници, так тыи и будут на ремни висить его и держать ремни): «Как я крикну, что загорелись, так-то пониже спуститя, а как пожар, так и совсим спустите». А прикрасна-то дивиця не знала умысль ёго (что он делаат). Однако ёна послала сторожа вывести его с темници, привести всих их тут. И стали висить Иванушка на орган свои старики темничнии. Прикрасна дивиця кричит, что крепче тяните его, а он говорит, что крепко тянут, сердце лопаат. Взынуули его на органе высоко над прикрасную дивицю; ён голый и ёна без рубашки. Прикрасная дивиця на перине, и ён крикнул: «Рёбята, горят». Ёны ремни отпустили, и ён крикнул: «О, робята, царьской дворець горит, о робята (старики), великий пожар». Ёны спугались, ремни с рук и спустили, самы на пожар ушли, а пожару и нет, а Иван Поповиць с милой

прикрасной дивницей на кисовой кровати почивает. Ну тут юж ёны стали пер водить (пер перовать), замуж ёна походит за нёго, за Ивана Поповиця. Пришли в храм Божий, повеньцяли их.

Недоўго Ванюшко жиў, поўтора года только. Стала проситься прикраснаа царевна в гульбу с ним. «Пойдём, Иванушка, гулять!» Приходили ёны к быстрой речки, гди крест поставлен, гди стоит амбарушка, гди сидит Соловей-розбойник. Скрычай Соловей-розбойник: «Иван Поповиць, отопреш ли мни, али нет». Он говорит: «Я не смию» (всё то Иван Поповиць упераетця, что не смиет). Милаа прекраснаа царевна говорит: «Я отопру». Иван Поповиць скаже, что худо будя, как отопреш. «А я, — скаже, — отопру, не боюсь никого». Взяла ёна, отперла амбарушку, выходит Соловей-розбойник. Плэця у него аршинны, лоб у него четвертинный, голова как пивный котёл, росту его сметы нет. Крыкнул Соловей-розбойник своим голосом соловецкиим своим карабелыцикам. Скоренько карабли ему подогнали. А смотрит прекраснаа царевна на Соловей-розбойника, жаўко спустить ёго. Соловей-розбойник подошоў, хватиў её за серёдку, клал на карабь, увёз в свою стóрону. Оставаэтця Иванушка нещасный сын Попов: «Говориў мни Соловей-розбойник, спусти меня на волюшку, тогда получишь себи добра (впереди, когда шоў соловей, ему выговáривал), а как не выпустиў, так не полуцю добра, всё своё добро стеряў».

Пошоў Иванушка опеть путём дорогой, шатаэтця, приходит к старушки в избушку ночью, попросиўся. Старушка нанимаат его пастухом: «Иди ко мни в пастухи нетёлок пасти; есть у меня пять нетёлок и быцёк». Выстаў Иванушка по ўтру, сделаў со старушкой ряду: «Ежели пригоню к но́ци, так десять рублей», а не пригонит, так рублей дватьсять с нёго. И ён выгнаў на тёмный лес скотину, а ёны убежали проклятыи во дикую ко́рбу, чтобы не найти мни нещасному пастуху, и ён проходиў день до вечера, ни одной нетёлоцки в глаза не видал, взяў с кормана, выняў шерсь, что лев зверь даў ему, клаў ён из ру́ки на́ руки, спомниў ён лёв-зверя: как лёв-зверь быў бы, так скотинку пригнаў бы. Лёв-зверь бежит да и скотинку гонит к нему. Срадовался Ванюшко Попов сын. «Полно́ тебе, Ванюшко, горевать, пойдём в мо́э царьсво воёвать». — «А поди, миленькой, ты домой, а я погоню скотинку к старушки домой». Пригнаў домой скотинку. «Принимай, бабушка, нетёлки, а денюшки подай». Ён денюшки от ней полуцил, а старушка стала пасти звать на другóй день. «Поди, я денёг дам много тиби, дам рублей тритцять на этот день, а если не пригонишь, от тебя сорок» (ряду делаэт). Тут на́чала она нетёлок бить ломать, чтобы ёны пастуху в руки не шли, чтобы шли далее. Угнал пастух на долину, чтобы здись сохранить свою скотину. Ёны

ушли во болотища топушии, гди добры люди не ходя; однако пастух головой пошатау, сам не знает, как найти скотину. Выдумау он сам про себя; есть у меня медвежьей шерсти клочок в кормани. Вынял ён шерсть из корману и взяу из рúки на руку перекладывать. «Сказау мни медведь, что шерсть мою в руцьки вóзьми, да меня вспомяни, да и я буду у тебя». Ну медведь бежит, нетёлок к нему гонит. Тут сказал медведь: «Полно, пастух, тебе горевать, пойдём в наше царьство воёвать». — «Мни нельзя, — говорит, — ити, надо коров к старухи согнать, а надо деньги получить». Ну пригнал ён коровушок к старушки домой. «Давай, старуха, деньги мои, зажилыи мои, коровушки дома твои». Старушка деньги отдавала, вперёд ёго нанимала на третей день. Еще денёг дороже ему давала, ёна ему давала пятьдесят рублей, а от него шестьдесят (она всё выше сибя берёт, а ниже ему даёт). И, Господи, стала дочёрей (этых нетёлок, это её дочери) бить и говорит: «Так бежите в синёе морё, и ён как выгонит вас на луг, так вы падите в синё морё». И ён пастух выстал по утру и согнал скотину на долину; тут нетёлки розбежались, пали в синёе морё. Стау пастух думать-гадать, как их с воды достать. Пришоу на берёг на морской, лежит щука во весь берёг; смолитця щука пастуху: «Ах, милый Иван Поповиць, спусти меня г воду, так я сгоню твоих нетелёй проць». — «Погоди, щука, я доставлю и тебя г воду». Хватиу шерсти в пясь к себе (взяу из кормана шерсть лёв-зверя и медведя) и взяу перо чёрного ворона. «Вы говорили мни, что я как буду у беды, так вы будете у меня, так выручите от беды меня». Чёрный ворон налетаэ в море, падаэ, этих нетелёй доставау. Лёв-зверь набегаэ, и медведь скаце к пастуху в помоць. Росплачетця Иван: «Ах же, милы зятева мои, не оставьте горевать меня, спустите эту щуку в синёе морё» (щуку пехнуть надо в синёе морё, затым что нетелёй оттуда выгонит). Лёв зверь кинуу лапу на щуку, а медведь и дви (у лева, видно, силы болеэ), спехнули щуку в морё; в мори щука стрепехталась, а нетели с моря в гору побежали, а пастуху то и надо: ворон хватиу быка за верховища, так и тащит с воды. Говорит ворон: «Гони, Иван, скотину домой, не бери больше себи пасти». Пригнау пастух скотину к старушки. «Давай, старушка, мни-ка денюшки». А у этого у быка глаза повыклеваны, а у девушок косы повырваны. Сдогодаласи старушка: «Не надо бы этакого вора-пастуха, извёл ён скотинку мою; у быка глаза выкопаны, у дочюшок косы повырваныи». «Не говори, не говори, старуха, денюшки подай, вот что». Иван Поповиць говорить буде: «Я тебе несчастную сделаю, если денёг не подашь, звери тебя росторзают, ворон глаза выкопаэт». — «Ах, ах, погоди, молодчик, я денёг сподоблю». Сходила в амбарушку, отчитала ёму денюшки. «Поди, Ванюшка, дурак поповский сын, болше ко мни вечно не ходи». Лёв-зверь берегёт и

медведь и чёрный ворон, берёгут ёго вси тройкой. Вышоу Ванюшко от старушки с избушки, спомниу лютых зверей своих: «Гди мои милый звери?» И звери стоят у его колен. Лев-зверь хватиу Иванушка за плецька, посадиу сиби на спинку и увёз в своё царьство его.

*(Записана в 1884-м году от старушки Тараевой в с. Кондопоге
Петрозаводского уезда Олонецкой губернии.)*

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.